

«НАМ НУЖЕН ПРОЧНЫЙ БЕРЕГ...»

к 175-летию со дня рождения

М.И. ВЕНЮКОВА

Валерий Михайлович МАРКОВ,
историк-краевед, доктор искусствоведения, профессор ДВГУ

... Лет двадцать пять тому назад, листая каталог дореволюционных изданий библиотеки Центрального государственного исторического архива (ЦГИА), что находился в здании Синода в г. Ленинграде, я с удивлением обнаружил, что многие книги той поры, имея гриф секретности, не были доступны рядовому читателю. В те годы гриф «нельзя!» был мощной преградой к достоверной, что называется «из первых рук», информации. Это касалось и тех, кто стоял у истоков научного освоения дальневосточных рубежей России XIX в. Хорошо помню и карты дальневосточных районов, обрезанные у границ. Но даже то, что было «можно» — куцее, «идеологически выдержанное» и урезанное цензурой, — являло интереснейший пласт как основу для дальнейших поисков. Сегодня мы знаем больше, а потому можем объективно оценить деяния людей, приумножавших славу России и ее далеких окраин.

В святцах первопроходцев, исследователей Дальнего Востока (XIX в.), немало знаковых имен: Г. Невельской, П. Кропоткин, Н. Пржевальский... В этой плеяде и фигура Михаила Ивановича Венюкова — ученого удивительной судьбы. Его многогранный талант проявился в ценнейших трудах по географии и картографии, истории и этнографии, статистике и военной политике, не утративших своей значимости и поныне. Особенно ценен и актуален сегодня его вклад в сфере разработки политической географии всего западного побережья Тихого океана. Уже в те годы он страстно верил, что Россия освоит и сделает прочными эти берега.

«Я служил и всегда готов служить России, — отмечал Венюков, — кроме ее у меня нет симпатий, ей одной принадлежат моя жизнь и мои чувства»¹. Отсюда характерные черты всей его деятельности на благо родины: точность, ясное понимание общественного назначения научного труда и горячая любовь к науке, которую он считал важным средством служения России. Все это выдает характер сильной, неуступчивой и творческой личности.

...Дворянский род Венюковых известен с 1597 г. и ведет начало с Богдана Ермолаева, сына Венюкова, бывшего окладчика в Рязске в 1591 г., жалованного помещьем. Род Венюкова записан в VI части родословных книг Курской, Московской и Рязанской губерний. Родовой герб Венюковых находится в «Общем гербовнике дворянских родов Российской империи». Дворяне Венюковы в 1700—1762 г. владели имениями в Центрально-Черноземном регионе, среде истинно русского обитания. Даже

фамилия рода восходит к чисто русскому имени Ваня (форма имени Иван (Иоанн — милость божия). Ванюков, Венюков, Ванюшкин — тот же Иванов², на которых, говоря словами одного из героев романа К. Симонова «Солдатами не рождаются, «вся Россия держится»... Державность рода Венюковых вполне очевидна в именном гербе, где во главе щита и на самом щите доминируют военные атрибуты: рыцарские доспехи, сабли, боевые топоры, луки со стрелами и мушкет...³ Возможно, все это и определило его выбор — он стал военным.

* * *

Михаил Иванович Венюков родился 6 июля 1832 г. в российской глубинке — с. Никитинском Пронского уезда Рязанской губернии*. Его отец — участник Отечественной войны 1812 г. — дошел до Парижа, где дважды был ранен. Ко времени рождения Венюкова-младшего большая семья практически обнищала. «Призрак нищеты был повивальной бабкой молодого поколения Венюковых», — вспоминал он позже. Как «лишний рот» Михаил был «сплавлен» на воспитание к бабушке, мелкой помещице, жившей натуральным хозяйством. В пять лет она научила его читать. «И чего я только не читал в эту первую пору возникшей умственной жадности... Я узнал, что есть на свете Лондон, Париж и Кронштадт...», — вспоминал он позже⁴.

Затем отроку наняли дькона, неудачливого семинариста, который кроме зубрежки предложить ничего не мог... Куда более надежными уроками были разговоры взрослых о разгроме наполеоновской армии, величии русской души, самоотверженности и настойчивости в достижении благородных целей, о находчивости в трудных положениях.

В тринадцать лет для получения военного образования Михаила определили в кадетский корпус, так называемый «дворянский полк» (позже — Константиновское артиллерийское училище), по его словам, «закрытую фабрику для выделки детей по правительственному шаблону»⁵. Ни муштра, ни розги не убили живой души Михаила. Лекции некоторых преподавателей приобщили его к точным наукам и естествознанию. Но в той среде работать было непросто. Например, преподаватель Ястрежембский, возбудивший его интерес к общественной жизни, был сослан на каторгу перед самыми выпускными экзаменами.

Но и после выпуска из кадетского корпуса (1850 г.) артиллерийский прапорщик Михаил Венюков не ушел от реалий российской действительности. Однако служба на батарее («с мордобоем и розгами») не помешала ему заниматься самообразованием. Огромное влияние на молодого офицера оказали запретные в России книги А. Герцена, которые он переписывал от корки до корки (личная встреча с ним состоялась в 1867 г.). Тогда он твердо решил «...во что бы то ни стало вырваться на свежий воздух, в ширь науки и гуманной общечеловеческой деятельности»⁶. Ему повезло, он начал работать репетитором физики в «своем» кадетском корпусе (1853 г.), одновременно посещая вольнослушателем лекции по естествознанию в университете. А год спустя поступил в Академию генерального штаба, которую закончил в 1856 г.

* Для удобства все даты даются по новому стилю.

Вхождение «в святцы» первопроходцев дальневосточного региона поручик Венюков начинал 5 мая 1857 г. в Иркутске, куда прибыл в качестве адъютанта штаба войск Восточной Сибири. И вновь везение. Выдающийся деятель, «собиратель дальневосточных земель» под крыло России генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев (еще не Амурский) предложил ему ехать вместе с ним на Амур. «Лучшего поощрения к работе нельзя было бы сделать, — записал позже молодой офицер. — Мечта моя быть на Амуре, представлявшем в то время крупный политический интерес, сбывалась»⁷.

«Амурский вопрос» на дальневосточных российских рубежах стоял тогда очень остро. Крымская война, развязавшая руки ряду западных держав, позволила им начать боевые действия на Дальнем Востоке с целью оттеснить Россию от берегов Тихого океана. Героическая оборона Петропавловска сорвала их планы, но задачи укрепления обороны края оставались актуальнейшими. Для этой цели губернатор лично осматривал новые земли, снаряжал и напутствовал переселенцев «по амурскому сплаву» на их освоение.

19 июня 1857 г. М.И. Венюков впервые увидел Амур, где стал не только свидетелем, но и участником значимых для Отечества исторических событий. Все, что он повидал, ощутил душой и сердцем, добротнo и понятно изложено в «Воспоминаниях о заселении Амура в 1857—1858 годах». Еще до этого Н.Н. Муравьев постоянно «теребил» правительство о скорейшем решении «амурского вопроса». Но чиновники не особо старались на этом поприще. И лишь император Николай в самом начале «славных дел» требовал, чтобы «на Амуре порохом не пахло». Мирный фактор освоения новых земель особо отмечен автором «Воспоминаний»: «Это не были нашествия русских войск с целью кого-либо разгромить или покорить оружием... Присоединение его (Амура. — В.М.) не стоило России ни капли крови, ни единого выпущенного патрона. Войска брались на всякий случай... а главное — как рабочая сила для водворения русских оседлостей»⁸. Всего за этот период на Амуре возникло 15 новых русских селений⁹.

«Амурское дело» стало хорошей школой для молодого исследователя. Помимо впечатлений он получил прочные навыки полевых работ, составил описание края, дал планы ряда населенных пунктов и, главное, стал оценивать те или иные явления с государственных позиций в интересах России. В декабре 1857 г. все обработанные материалы М. Венюков доставил графу Муравьеву-Амурскому в Петербург. К этому времени и до столицы дошли известия об открытии у берегов Приморья двух бухт — св. Ольги и св. Владимира. Оценив важность открытий, генерал-губернатор понимал, что необходимо срочно разведать к ним сухопутный маршрут. Венюков подоспел вовремя. Именно ему граф предложил значимую для освоения края работу по изучению почти неизвестной р. Уссури. «Генерал-губернатор объявил... что эта экспедиция будет поручена мне, — вспоминает М. Венюков. — Лучшей программы на будущее лето нельзя было придумать»¹⁰. Это было первое задание, о котором когда-то мечтал Михаил Иванович, его первое знакомство с территорией будущего Приморского края.

Имя молодого ученого было уже на слуху даже в Петербурге. Но вряд ли он ожидал, что сам Г.И. Невельской, прославленный адмирал,

крупнейший знаток Дальнего Востока, придет к нему в гости. «Он лично навестил меня в скромной моей квартире в одной из отдаленных частей Петербурга, — вспоминал визави адмирала, — пригласил к себе, в течение нескольких вечеров беседовал со мной о Нижне-Амурском и Уссурийском краях... Опасаясь, как бы я из чего-либо сообщенного не забыл, он начертил на особом листе эскиз страны между Усури и Японским морем и тут же написал на полях пояснительный текст... Более честного человека мне не случалось встречать»¹¹. После этих бесед адмирал Невельской стал своеобразным крестником молодого исследователя. От него он перенял действительное отношение к науке и направлял усилия на решение наиболее актуальных задач. Уместно вспомнить, что позже сам М. Венюков передавал эту традицию Н. Пржевальскому, корифею отечественной географии, как и он, начинавшему свою научную биографию на Дальнем Востоке.

Окрыленный поддержкой адмирала, М. Венюков занялся организацией новой экспедиции, прежде всего основательно проштудировав материалы Лаперуза и Броутона, побывавших у берегов Приморья в XVIII в. Закончив все дела в столице, он вновь отправился в кипящие страстями российские земли. Хлопотной весной 1858 г., незадолго до намеченной экспедиции, ему вместе с генерал-губернатором довелось официально закладывать Усть-Зейский пост, ставший вскоре станицей, непосредственно руководил строительством первых домов и укреплений. К сожалению, ему не пришлось быть очевидцем подписания исторического Айгунского договора, облекшего в законную форму владения России на всем левобережье Амура, так как прибыв в устье Зеи 23 мая вместе с генерал-губернатором, расстался с ним уже 25-го в связи с отбытием последнего в Айгунь. А 28 мая договор был подписан. Этот факт зафиксирован позже, ибо сам автор записок в день подписания договора вместе с капитаном Дьяченко и солдатами 13-го линейного батальона «вбивал первый колышек» Усть-Уссурийского поста (ныне Хабаровск?)¹². Зато он участвовал в не менее важном событии всего за четыре дня до подписания договора. 24 мая 1858 г. в станице на Зее «...устроили мачту, подняли на нее огромный флаг... отслушали молебен, и Усть-Зейская станица произведена была в город Благовещенск». А на месте губернаторской палатки поставили памятник¹³. Вот так спокойно, без суеты работали наши предки.

Так же просто, с истинно русским характером «закончив поэзию амурского дела», поручик Венюков получил орден св. Анны, хотя генерал-губернатор Муравьев-Амурский ходатайствовал о награждении его орденом св. Владимира. Это свершилось уже при императоре Александре II, с которым у Михаила Ивановича сложились «особые» отношения.

* * *

Утром 13 июня 1858 г. из станицы Козакевичево экспедиция в составе 16 чел. вышла в путь. Подобно репинским бурлакам они тянули лодки и медленно, как говорили тогда, «бечевой», поднимались вверх по Усури. Предстояло по бездорожью обозреть пространство в сотни верст по нехоженой тайге и найти перевалы к морю через мощные хребты Сихотэ-Алиня, осмыслив путь, составить его точную карту и детально описать местность. Весь труд съемки и другие сложности обозрения Венюков вынес, что называется, на своих плечах, ибо двое прикомандированных к нему

топографов не прибыли в срок. Впоследствии ученый скупой строкой как бы обронил: «Не желая, чтоб составленная мною карта оставляла в недоумении тех, которые бы стали руководствоваться ею, я не позволил себе определять расстояние на глаз, а прошел все пространство от Уссурийского поста до устья Лифулэ (Тадуши — Зеркальная. — В.М.) пешком, ведя счет шагам»¹⁴. И не зря — позже частью маршрута прошли К. Максимович, Н. Пржевальский и В. Арсеньев. Первый нашел маршрут Венюкова «составленным чрезвычайно добросовестно»¹⁵.

Нелегкий путь по «высокой, густой траве на берегах», по грязи, «крупным камням» и лесной чаще утомлял исследователей. К вечеру Венюков падал от усталости и мгновенно засыпал у костра, едва успев заполнить путевой дневник. Ежедневно (почти два месяца) вышагивая никогда и никем не меренные пространства, он плотно и точно укладывал на планшет изгибы реки, каждый приток и каждую протоку, не уставая при этом восхищаться красотой и величием природы.

Нет нужды описывать его путь «встречь солнцу» к океану. Все прекрасно изложено в отчете «Обозрение реки Уссури и земель к востоку от нее до моря». В нем детально обрисованы самые важные особенности географии открытого края, быт коренного населения и своеобразие местностей. Начиная с хребта Хехцира (территория нынешнего Хабаровского края), экспедиция обследовала р. Хоро (ныне — Хор), затем р. Бикини (Бикин). Здесь М. Венюков впервые познакомился с гольдами (нанайцами) и орочами (один из них стал проводником экспедиции) — коренными обитателями этих мест. От его внимательного взгляда не ушла ни одна деталь их жизни: от взаимоотношений с маньчжурами до мелочей быта. Понимая важность первого общения с местными жителями, Венюков строил свои отношения на добрых и взаимовыгодных условиях. «Я знаю, что только вы передовые люди, — говорил ему один старый гольд, — за вами придет много русских, которые избавят нас от негодяев маньчжуров, но пока эти звери здесь, нам быть друзьями вашими опасно»¹⁶. Ученый наблюдал за жизнью нанайцев и проникался симпатией к представителям этого древнего народа.

На земли нынешнего Приморского края (Пожарский р-н) М. Венюков «со товарищи» ступил в конце июня. Уже с первых дней он воочию убедился в капризности приморской погоды. За две недели пути без дождей был только один день. Влагой пропиталась вся одежда, «цвели» отсыревшие сухари, портились другие продукты. К этому остается добавить непроходимость уссурийской тайги, усиливавшую тяжесть и монотонность пути.

Отмеченные им правые притоки Уссури: Нимани — Имма — Иман (Б. Уссурка — Дальнереческий р-н), Сунгачани — Сунгача (Камышовка — Спасский р-н), Улахе (Уссури — Чугуевский р-н), Фудзин и Тадуху — Тадуши (Павловка, Зеркальная — Кавалеровский р-н)¹⁷, на страницах «Обозрения» имеют свой «норов» и необычную красоту. Интересно, что, обследуя устье р. Имана и как бы заглядывая в будущее, он отметил: «Можно полагать, что она (река. — В.М) заслуживает особого внимания со стороны будущих исследователей края и что близ устья ее должен возникнуть один из важнейших центров населения на всей Уссури»¹⁸. В пути ему пришлось преодолеть трудный перевал (высота около 1300 м), увенчанный ныне памятным знаком и носящий его имя (перевал Венюкова, названный

В. Арсеньевым в 1906 г. — Кавалеровский р-н)¹⁹. Наконец, 30 июля 1858 г. маленький отряд вышел к морю. «Я, отмечено в записях, вышел на берегу Японского моря не около Владимирской гавани, а несколько восточнее и севернее (район бухты Зеркальной. — В.М.)... В знак нашего пребывания в тех местах поставлен крест с надписью, что мы были там»²⁰. Внезапная болезнь М. Венюкова и возникшие проблемы с проводником не позволили пройти последние 35 верст до Владимирской гавани. «Взяв на себя ответственность за несовершенный успех дела, — пишет автор «Обозрения», — ...с глубоким сожалением повернули мы на прежнюю дорогу»²¹.

* * *

Составляя отчет по итогам экспедиции, М. Венюков окончательно решил покинуть ставшие родными (пока «не прочными») дальневосточные берега, хотя такое решение возникло у него раньше. Для этого были основательные причины. С первого дня прибытия в штаб генерал-губернатора, искренне благоволившего способному офицеру, его возненавидел непосредственный начальник К. Будогоский, считая «выскачкой». «Не было такой шпильки и даже просто грубости, — вспоминал Венюков, — какой бы не позволил себе [он] по отношению ко мне»²². Распри, мелочные склоки и настоящая вражда (как это знакомо нам сейчас!) в среде офицеров были не редкостью. Венюков не ввязывался в штабные дрязги, но иногда, как отмечено в записках, «приходилось кусать губы от сдержанного негодования...». Будогоский часто скрывал от начальства многое из того, что было сделано Венюковым, и даже вычеркивал его имя из готовых материалов (маршрутная карта с описанием Забайкалья, карта Маньчжурии и Восточной Монголии, «амурские съемки» и т.п.). Более того, для Уссурийской экспедиции были выданы «самые дурные» инструменты (буссоли) и специально задержаны два помощника-топографа (о них упоминалось выше), которых Венюков так и не увидел²³. Сегодня больно читать эти строки: «...Будогоский не поскупился на личные оскорбления такого свойства, что я дал себе слово: как только окончу экспедицию, уехать из Восточной Сибири, какие бы внешние условия службы не пришлось принять после отказа от должности старшего адъютанта штаба»²⁴. Уже в Иркутске, сдав отчет губернатору, он отправился к нему на прием и 8 декабря 1858 г. прямо высказал, что «интриг против себя... терпеть не намерен»²⁵. Сам испытавший сполна все «козни двора», генерал-губернатор противиться не стал... 15 января 1859 г. М. Венюков покинул Восточную Сибирь. Но в столице... с места — в карьер (7 марта 1859 г.), по высочайшему повелению был назначен начальником экспедиции на р. Чу (Туркестан). Затем была служба на Кавказе (1861—1863) и в Польше (1863—1867). И везде, где бы он ни служил, видел низкий моральный облик чиновничества, взяточничество, расхищение государственных земель, финансовые манипуляции.

* * *

За годы активной деятельности Михаил Иванович объездил всю Россию «до самых до окраин». «В течение 7 лет, с 1857 по 1863 год, мне привелось посетить, — писал Венюков, — большую часть окраин нашего государства, от Балтийского моря до Кавказа, Небесных гор (Тянь-Шань. — В.М.)

и Восточного океана. И хотя непрерывные разъезды, походы, боевая и бивуачная жизнь мало способствовали систематическому собиранию и разработке данных об этих странах, тем не менее я был настолько счастлив, что о некоторых из них успел собрать сведения, частью вполне неизвестных прежде, частью бывших достоянием немногих местных специалистов»²⁶. И все это материализовано, обрело плоть в энциклопедических и аналитических трудах — «Опыт военного обозрения русских границ в Азии», «Путешествия по окраинам Русской Азии» и т.п.

В 1869—70-е гг. он вновь на Дальнем Востоке, на этот раз — в Китае и Японии. И вновь он проявил себя как трезвый аналитик, географ, этнограф и военный стратег. «Очерки Китая», «Очерк старых и новых договоров России с Китаем», «Очерки Японии», «Обозрение японского архипелага» и многое другое из газет и журналов — очень интересно, занимательно, а главное, читабельно для любого желающего. А его отмеченное выше «Обозрение реки Уссури...», названное П. Семеновым-Тянь-Шанским, вице-президентом Русского географического общества (РГО), «обстоятельным географическим исследованием, талантливо сгруппированным и интересным»²⁷, встает в один ряд с трудами Н. Пржевальского и В. Арсеньева; имя М. Венюкова значится в биографическом словаре «Русские писатели. 1800—1917» (т. 1, 1989)²⁸.

Михаил Иванович никогда не стремился к чинам и званиям, называя это «суетностью». Тем не менее дослужился до звания генерал-майора и был востребован не только в военных кругах (лекции в Академии Генштаба), но и в гражданских (Русское географическое общество). Благодаря своим трудам он стал известен в научном мире многих зарубежных стран, но в родном Отечестве чувствовал себя неуютно. Острые и смелые выступления снискали ему славу неблагонадежного. В трудных условиях душевного разлада, невозможности продолжать военную службу и заниматься научной деятельностью он принимает решение уехать из России. В 1876 г. Венюков вышел в отставку. Ему полагалась пенсия, но он от нее отказался с такой мотивировкой: «Считаю... обременением казны, когда пенсия дается человеку, не искалеченному на службе и способному трудиться»²⁹. Тогда же он уезжает в Париж, расставаясь с родиной навсегда и очень болезненно переживая разрыв. 20 сентября 1877 г. он пишет императору Александру II резкое письмо-обращение, неслыханно смелое по тому времени, где беспощадно критикует бюрократические порядки, обличает злоупотребление властью, корыстолюбие и беспринципность многих представителей знати, включая членов царской фамилии. Ничего не скрывая, он изложил царю всю правду о мотивах своей отставки и намеренно подписался даже не «верноподданным», как этого требовал этикет, а просто «М. Венюков»: «Можно лишить меня полученных в течение 26 лет отличий, можно вычеркнуть мое имя из списка русских граждан; но нет силы, которая бы могла исключить меня из числа преданных сынов земли русской»³⁰.

В Париже он пополнил сравнительно редкие ряды русских ученых-эмигрантов. Но среди них были звезды первой величины: географ П. Чихачев, иранист Н. Ханьков, химик В. Лугинин, биолог И. Мечников, физиолог И. Цион и др. Не затерявшись в представительных рядах, М. Венюков

продолжает путешествовать и писать. В 1880-х гг. он побывал в Алжире и Тунисе, посетил побережье Бразилии и Уругвая, Антильский архипелаг и Панамский перешеек, затем — Корсику. Работая над впечатлениями от зарубежных вояжей, он не забывал о своей родине, посвящая ей новые труды. В них, как и прежде, он всей душой болел за русский Дальний Восток. «Нам нужен прочный берег, — писал он в «Русском вестнике» в 1880 г., — на котором бы Россия сошлась с другим цивилизованным народом»³¹.

М.И. Венюков сблизился с русской революционной эмиграцией, был знаком с Герценом, одно время сотрудничая в его «Колоколе». Но ни социалистом, ни революционером он не был. Венюков возлагал свои надежды не на революцию, а скорее на культурное развитие народа. Он встречался в Сибири с декабристами И. Горбачевским и М. Бестужевым, называя их «почетным сословием русских политических ссыльных»; в Иркутске сблизился с русским революционером М. Петрашевским³², оказавшим на его взгляды сильное влияние. Эти знакомства, естественно, подпитывали его негативное отношение к российской действительности. Резкие, беспощадные характеристики, саркастические замечания и прогнозы — во всем этом отражались не только политические взгляды Венюкова, «анархиста в генеральском мундире», но и его желчный, пессимистический темперамент, который стал особенно сказываться в конце жизни...

Последним ярким вкладом М.И. Венюкова в развитие отечественной науки стала книга «Воспоминаний» в трех томах. На третьем из них надпись: «Амстердам. 1901 год».

...Его, нищего, больного и одинокого подобрали на одной из улиц Парижа 16 июля 1901 г., в этот же день в больнице Диона он и закончил свои земные дни на 69-м году жизни.

А на родине, годы спустя, царившее в советской историографии стойкое отношение к эмигрантам как отщепенцам русской культуры во многом определило гриф секретности на его научные труды и труды других ученых³³. Тогда мало кто знал, что его именем в 1946 г. советской географической экспедицией был назван мыс на Курильских островах. Память о нем на родине все-таки жила и теплилась маленьким, но трепетным огоньком...

За прошедшие годы труды М. Венюкова не утратили остроты, они актуальны и сегодня для России. Быть или не быть нашему тихоокеанскому берегу прочным?! В современном научном сообществе М. Венюкова часто называют одним «из отцов» евразийства и геополитики, который считал, что присоединение Приамурского края — это событие XIX в., позволившее мирным путем выйти к открытому морю, где Россия сможет развить свои морские силы и оказать мировое влияние. Это база «для всей будущей деятельности России в Восточной Азии» и важнейшее приобретение из всех, «сделанных русским народом». Он полагал, что только добровольное переселение на Дальний Восток, только крепкие крестьянские хозяйства могут создать базу для процветания региона, и заявлял: «Мы преступно мало обращаем внимания на эту далекую нашу окраину»³⁴.

На уровне глобальных мировых проблем М. Венюков обратил свой взор на управленческую организацию внутрirosсийского пространства, на полифоничность процессов интеграции и дезинтеграции. Сочетание

военно-географического подхода с демографией и политической этнографией (термин Венюкова. — В.М.) позволило ему выйти на иной уровень оценки значения азиатских окраин, наиболее значимых факторов в обеспечении безопасности России, в создании условий для эффективной организации политического пространства. Наверное, это и есть державность, оправданная не только родовой фамилией и гербом, но и всей жизнью, что составляет незыблемую основу прочности наших тихоокеанских берегов.

Ему всегда было тесно в рамках традиционного военно-статистического описания; уже в ранних его сочинениях мощно зазвучали новые геополитические мотивы, уносящие читателя в прогностическую область грядущего мирового порядка в Азии, основанного на системе военно-политического равновесия трех современных ему мировых империй: Россия, Британия и Китай (сегодня вместо Британии добавлю США. — В.М.), конфликтности и сосуществовании разных цивилизаций. Возможно, поэтому его считают «наиболее политическим» из всей когорты русских ученых своего времени³⁵.

* * *

Задолго до смерти Михаил Иванович составил завещание: «Библиотеку мою, состоящую из 1200 книг научного содержания, преимущественно географических, естественно-исторических и общелитературных, а также собрание карт и атласов жертвую в пользу находящегося на Амуре, при устье Усури, селения Хабаровка»³⁶. К чести хабаровчан эти книги живы и являются не только подлинной жемчужиной собрания Дальневосточной государственной научной библиотеки, но и входят в Общероссийский свод книжных памятников.

Но мало кто знает, сколь не проста была судьба этой архивной коллекции, особенно рукописей. Об этом сообщает известный литературовед М. Чудакова: «Архивы имеют свою судьбу, претерпевают мытарства, перенося житейские передраги, которые пагубно сказываются на их состоянии. Архив и библиотека замечательного русского ученого, члена географических обществ Франции, Англии, Швейцарии и других стран, генерала М. Венюкова были завещаны им еще в 1881 г. селению Хабаровке». Лишь через 10 лет после его смерти, в 1911 г., все материалы поступили в Николаевскую публичную библиотеку в Хабаровске. Долгие годы об архиве М. Венюкова ничего не было известно. Летом 1937 г. они были обнаружены библиографом Хабаровской краевой библиотеки, и сведения об архиве появились в печати.

В 1955 г. Хабаровская библиотека, не имевшая условий для хранения рукописей, передала архив ГБЛ. Здесь он был обработан, описан, и в 1960 г. заведующая сектором обработки архивных фондов отдела рукописей ГБЛ В. Зимина рассказала о его составе в обзорной статье. «Протекло более полувека, прежде чем материалы стали доступны для научного изучения. Но это уже был явно не весь фонд... многие важные документы утрачены, по-видимому, навсегда»³⁷.

Отметим, что М. Венюков не был в числе основателей Владивостока и не видел молодой город. Но из Парижа шли его письма Ф. Буссе — отцу-основателю Общества изучения Амурского края (ОИАК). Поэтому

горожанам на страницах газеты «Владивосток» (май 1887) приятно было читать, что «на пароходе «Париж» прибыло три ящика книг, всего 205 названий (407 томов и 47 карт), пожертвованных генералом Венюковым Обществу изучения Амурского края». Книги поместили в особом шкафу с надписью: «Библиотека М.И. Венюкова». В письме Ф. Буссе Михаил Иванович писал: «...вы сделали слишком большую честь моим бывшим книгам... но в каком бы месте они не помещались, лишь бы приносили пользу»³⁸.

В завещании указано: «Обществу станицы Венюковой на реке Уссури (Хабаровский край) завещаю также десять тысяч рублей или, точнее, пятьсот рублей (2000 франков) золотом годового дохода, что и селу Никитинскому»³⁹ (малой родине. — В.М.)...

Недавно на сайте «Приамурских ведомостей» (Хабаровск) появилась любопытная заметка о возвращении останков М.И. Венюкова на родину. «К 150-летию Хабаровска и 150-летию «Амурского дела» было бы весьма своевременно с позиций историзма вернуть М.И. Венюкова на русский Дальний Восток», — считает местный краевед В. Попов⁴⁰. И конечно же, в г. Хабаровск. Правда, автор заметки ошибочно называет Париж местом последнего приюта прославленного ученого. Его прах в Ницце.

Такова судьба человека, который всей своей жизнью способствовал тому, чтобы перворассветные тихоокеанские берега России были прочными...

¹ Цит.: Венюков М.И. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск: Дальневост. гос. изд-во, 1952. С. 8.

² Веди́на Т.Ф. Словарь фамилий. М.: ООО Фирма «Издательство АСТ», 1999. С. 70—71; Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Энциклопедия русских фамилий. М.: ЭКСМО, 2002. С. 77—78.

³ Подробнее см.: Лакиер А.Б. Русская геральдика. М.: Книга, 1990. С. 333—334.

⁴ Венюков М.И. Путешествия... С. 9.

⁵ Венюков М.И. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии / под ред. А.А. Степанова. Хабаровск: Хабар. кн. изд-во, 1970. С. 11.

⁶ Цит.: Венюков М.И. Путешествия... 1970. С. 12.

⁷ Цит.: Венюков М.И. Путешествия... 1952. С. 11; Венюков М.И. Путешествия... 1970. С. 12. Ввиду определенной «разности» трактовки событий и комментариев к ним в цитируемых изданиях ссылка дается на каждое из них.

⁸ Венюков М.И. Путешествия... 1952. С. 11.

⁹ Там же. С. 39; Венюков М.И. Путешествия... 1970. С. 33—34.

¹⁰ Венюков М.И. Как заселялся Амур: (Путевые заметки) // Хрестоматия по истории Дальнего Востока. Кн. 1. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1982. С. 340—341.

¹¹ Венюков М.И. Путешествия... 1952. С. 81.

¹² Там же. С. 13—14, 85, 129; Венюков М.И. Путешествия... 1970. С. 14, 68.

¹³ Так считает, например, А.А. Степанов. См.: Примечания редактора // Венюков М.И. Путешествия... 1952. С. 296.

¹⁴ Венюков М.И. Путешествия... 1952. С. 106; Венюков М.И. Путешествия... 1970. С. 85.

¹⁵ Венюков М.И. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. 1970. С. 102.

¹⁶ Цит.: Венюков М.И. Путешествия... 1952. С. 15.

¹⁷ Венюков М.И. Путешествия... 1970. С. 106, 109, 113, 117, 122.

- ¹⁸ Современные названия прежних топонимов даны по кн.: Соловьев Ф.В. Словарь китайских топонимов на территории советского Дальнего Востока. Владивосток, 1975.
- ¹⁹ Памятники истории и культуры Приморского края: Материалы к Своду. М.: Внешторгиздат, 1991. С. 143.
- ²⁰ Венюков М.И. Путешествия... 1952. С. 163—164; Венюков М.И. Путешествия... 1970. С. 120—122.
- ²¹ Венюков М.И. Путешествия... (1952). С. 166; Венюков М.И. Путешествия... (1970). С. 122.
- ²² Венюков М.И. Путешествия... 1970. С. 67.
- ²³ Там же. С. 67, 73.
- ²⁴ Там же. С. 72—73.
- ²⁵ Там же. С. 86.
- ²⁶ См.: Михаил Иванович Венюков. (Доступно: <http://www.allpersona.ru/people/18617.html>).
- ²⁷ Венюков М.И. Путешествия... 1952. С. 15—16.
- ²⁸ Баландин Р.К. Венюков Михаил Иванович // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. Т. I (А-Г). М.: Сов. энциклопедия, 1989. С. 417—418.
- ²⁹ Цит.: Михаил Иванович Венюков. (Доступно: <http://www.allpersona.ru/people/18617.html>).
- ³⁰ Цит.: Баландин Р.К. Венюков Михаил Иванович... С. 418.
- ³¹ Цит.: Венюков М.И. Международные вопросы в Азии // Русский вестник. 1877. № 6. С. 500.
- ³² Баландин Р.К. Венюков Михаил Иванович... С. 418.
- ³³ Даже в солидных отечественных изданиях 1940—1950-х гг. имя М.И. Венюкова не упоминается. См.: Берг Л.С. Очерки по истории русских географических открытий. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1946; Отечественные физико-географы и путешественники / под ред. Н.Н. Баранского и др. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1959; Только однажды он упоминается в контексте примечаний как переводчик книги «Путешествие на Памир» (СПб., 1877). См.: Бейкер Дж. История географических открытий и исследований / под ред. И.П. Магидовича. М.: Изд-во Иностранной лит., 1950. С. 341; В более поздних местных изданиях краткие сведения о деятельности М.И. Венюкова см.: Венюков М.И. Как заселялся Амур: (Путевые заметки) // Хрестоматия по истории Дальнего Востока. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1982. С. 327—342; Хисамутдинов А.А. TERRA INCOGNITA, или хроника русских путешествий по Приморью и Дальнему Востоку. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1989. С. 18—25; Приморский край: Крат. энциклопед. справочник. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. С. 64.
- ³⁴ См.: Геополитика М.И. Венюкова. (Доступно: <http://www.rustrana.ru/article.php?nid=19304>).
- ³⁵ Венюков М.И. Путешествия... 1970. С. 6.
- ³⁶ Цит.: Хисамутдинов А.А. TERRA INCOGNITA... С. 18.
- ³⁷ См.: М. Чудакова. Беседы об архивах. Электронная библиотека. С. 5. (Доступно: <http://bookz.ru/authors/marietta-4udakova/chudam03/page-5-chudam03.html>)
- ³⁸ Хисамутдинов А.А. TERRA INCOGNITA... С. 25.
- ³⁹ Там же. С. 19.
- ⁴⁰ Приамур. ведомости. 2006. 5 окт. (Доступно: <http://priamurka.ru>)

SUMMARY: “We Need in Firm Shore...” is the title of the article by Doctor of Art Criticism Valery Markov. His story is about life and activity of a wonderful scientist who stood at the sources of scientific development of Far Eastern lines of Russia in the 19th century — Mikhail Ivanovich Veniukov, whose 175th day of birth is celebrated in Russia this year.